

Глава 21. Город Чанъи

Ночь выдалась беспокойной. Снаружи со всех сторон доносился яростный гул сражения, сотрясавший стены домов. Притаившись в темноте за наглухо закрытыми дверями, жители города Чанъи молились за стоявшее насмерть воинство и за собственную, висевшую на волоске судьбу.

Самая большая городская усадьба казалась вымершей. Но в тишине её заброшенного сада внезапно ожило озеро — вода в нём пошла крупной рябью и забурлила, точно в закипающем котле.

Раздался громкий всплеск, и из бурлящей глубины поднялся Е Цан. Поразительно, но его тело и одежда, едва коснувшись воздуха, мгновенно высохли, не оставив ни единой капли влаги.

В темноте он на миг испытал череду смутных эмоций, пока наконец взгляд не прояснился от внезапного озарения.

«Так вот оно что».

Тихо пробормотав эти слова, он наклонился, выудил из густой травы свой длинный клинок и выпрямился. Посмотрев туда, откуда доносился самый яростный шум битвы, он холодно усмехнулся. Небрежно закинув клинок на плечо, юноша сорвался с места и в несколько прыжков перемахнул через высокую стену усадьбы, мгновенно растворившись в ночной темноте.

Под стенами Города Чанъи исполинский Демон грубой мощи, не обращая внимания на редкие стрелы, мерно вздымал мощные лапищи и с глухим грохотом обрушивал их на ворота. От каждого сокрушительного удара тяжёлые створы жалобно скрипели, осыпаясь пылью, а сердца солдат, навалившихся на них с обратной стороны, сжимались от нарастающего отчаяния.

На самих стенах демоны уже захватили половину укреплений. Навязав солдатам жестокую рукопашную схватку, твари медленно, но верно расширяли свой плацдарм.

В воздухе, избавившись от смертоносного огня лучников из Башни Пронзающего Перья, всюду пировали совы, предвещающие смерть. С истошным клёкотом они кружили над побоищем, выискивая голодными жёлтыми глазами раненых воинов, чтобы при первом же удобном случае спикировать вниз и вырвать кусок живой плоти.

И вдруг со стены ослепительной молнией низвергся росчерк клинка. Ловко оттолкнувшись от широкой спины Демона грубой мощи, нападавший взмыл ввысь, перевернулся в воздухе и, прежде чем кто-либо успел опомниться, перерезал исполину горло — легко, точно растопленное масло.

Увернувшись от хлещущего фонтаном багрового потока, Е Цан перехватил рукоять и, едва туша монстра рухнула в пыль, ворвался в гущу вражеских рядов. С каждым взмахом его клинка взмывали багровые брызги, сея смерть и хаос среди демонов.

Натиск демонов на стенах по какой-то причине резко ослаб. Защитники не стали раздумывать над разгадкой — почуяв слабость, они разъярёнными зверями бросились в контратаку. Инициатива мгновенно перешла к людям, и полчища тварей начали пятиться.

Командующий, рубившийся в первых рядах, сразу уловил эту перемену. Коротко взмахнув копьем, он отбросил наседавшего демона, покачнулся от усталости и, оперевшись на древко, окинул поле боя пристальным взглядом.

Это не было обманом чувств. Обычным солдатам в пылу схватки трудно было заметить детали, но от его взгляда не укрылось главное: сила, скорость и реакция чудовищ заметно угасли.

Он явственно почуял дыхание близкой победы.

В чём бы ни крылась причина их внезапной слабости, если она продлится подольше... они смогут устоять!

Подними кто-нибудь из бьющихся голову, он непременно заметил бы, что прямо над ними зависло огромное тёмное облако, почти сливающееся с ночной мглой.

Е Му сидел на спине парящего Цзяло и вглядывался в призрачную карту, которая показывала, что его сын находится прямо под ними. Неистовый гул, поднимавшийся от земли, не оставлял сомнений — внизу кипела жестокая битва.

Едва завидев на карте, как одинокая зелёная точка врезалась в гущу красных огоньков, Е Му похолодел от ужаса. Он едва не заставил Цзяло ринуться вниз, но вовремя сдержал порыв. Красные маркеры вокруг его сына начали таять, точно весенний снег под солнцем. Там, где двигался Е Цан, на карте одна за другой возникали чистые, пустые зоны.

— Прошло уже три дня... — тихо заметил Хэ Лян, всматриваясь во тьму под крылом. — Брат Е, если хочешь забрать своего беглеца, лучше поторопись. Город Чанъи на исходе сил, долго он не продержится.

Е Му обернулся к спутнику, в его голосе сквозило извинение:

— Хэ Лян, мне придётся спуститься. Боюсь, это займёт какое-то время.

Скрытый маской Хэ Лян лишь слегка склонил голову. Голос его остался безучастным и ровным:

— Тот, кого ты ищешь, бьётся внизу?

— Именно так, — Е Му глубоко вздохнул, стараясь говорить спокойно, хотя в его голосе отчётливо слышался скрежет зубовой. — Придётся спуститься и собственноручно вытащить этого упрямца.

Ведь он велел Е Цану затаиться в безопасном месте! А этот негодник преспокойно влез в самое пекло. Война ему что, игрушка?! Несносный, упрямый мальчишка!

— На войне стать слепа. К тому же твои раны ещё не затянулись, — резонно возразил Хэ Лян. Он задумчиво окинул взглядом раскинувшийся вдали вражеский лагерь, пестревший причудливыми очертаниями шатров. — Попадёшь в эту мясорубку — живым можешь не выбраться. У меня есть иное предложение. Послушаешь?

Пользуясь глухой ночной темнотой, они бесшумно проскользнули в тыл вражеского лагеря.

Открытый бой никогда не числился среди достоинств Зала Семи Убийств, но скрытные налёты и ночные убийства были их истинным ремеслом.

Задача стояла простая: выследить вожака и перерезать ему горло.

Убрав оружие, они переглянулись и беззвучно растворились в тенях. На истоптанной земле остались лишь бездыханные тела демонов, уставившихся в пустоту остекленевшими глазами.

Весть о гибели верховного командования мгновенно разлетелась по вражескому стану. Сломленные неудачей у крепостных ворот и лишившиеся твёрдой руки, младшие вожаки растерялись. Поднялся невообразимый гвалт — никто не желал уступать первенство соперникам. В итоге им не осталось ничего другого, кроме как спешно свернуть осаду и отступить для перегруппировки.

Разошедшийся не на шутку Е Цан, заметив бегство тварей, недовольно рыкнул и бросился следом. Но вдруг спиной почувствовал чьё-то приближение. Он резко развернулся, вскидывая клинок для смертоносного удара...

Демон, пытавшийся наброситься на него из темноты, вдруг замер и безвольно рухнул наземь. За его спиной стоял Е Му с совершенно бесстрастным лицом.

Их взгляды встретились. Юноша удивлённо моргнул, и он мгновенно испытал неопишуемый восторг.

— Отец! — во весь голос крикнул он и, рванувшись вперёд, крепко сжал его в объятиях.

— Живой! С тобой всё в порядке!

Сильные руки юноши, стискивавшие отца, едва заметно дрожали.

Е Му честно собирался устроить сорванцу хорошую трёпку, но, увидев эту дрожь, растерял весь пыл. Он молча спрятал оружие, ласково взъерошил сыну волосы и негромко произнёс:

— Ну всё, успокойся. Цел я, цел.

— Если он продолжит тискать тебя с такой силой, живым ты отсюда не уйдёшь, — подал голос Хэ Лян, ленивым взмахом клинка обрывая жизнь пробежавшего мимо беглеца.

Раны Е Му действительно были обработаны и перевязаны, но из-за постоянной спешки и пережитого отравления затягивались медленно. Малейшее резкое движение грозило вновь сорвать швы.

Услышав это, Е Цан торопливо разжал руки и взволнованно уставился на отца:

— Отец, ты ранен?

— Ерунда, зацепило когтями, — отмахнулся Е Му. Оглядев сына при свете догорающих пожарищ и убедившись, что на нём нет ни царапины, он строго спросил: — А-Цан, как ты вообще здесь оказался? И с какой стати полез в бой?

Юноша замялся. Оглядевшись по сторонам, он тихо произнёс:

— Отец, давай зайдём в город. Там и поговорим.

Е Му с сомнением покосился на громоздкие крепостные стены:

— У тебя там какие-то дела? Если ничего срочного, давай поскорее переправимся через реку. Я раздобыл летающего зверя — доберёмся без хлопот.

В военное время лишний шаг за городские ворота грозил обернуться ненужными сложностями.

В колеблющихся отсветах пожарища Е Цан мучительно колебался. Наконец он выдавил:

— Мне правда нужно рассказать тебе кое-что важное. Но на бегу... в двух словах не объяснишь.

— Брат Е, давай всё же зайдём в город, — неожиданно поддержал юношу Хэ Лян, устремив

взор на выскакивающие стены. — У меня там как раз есть одно неоконченное дело.

Раз уж оба настаивали, Е Му подавил сомнения и спорить не стал.

На крепостных стенах воины, завидев бегство чудовищ, обессиленно валились на камни. Немногие уцелевшие помогали раненым. До тел павших товарищей пока никому не было дела — на это попросту не хватало рук.

Цзянь Сюй остановился у тела одного из бойцов. Опустившись на одно колено, он осторожно закрыл его широко распахнутые веки.

Это был его вестовой. Парень всегда безукоризненно доставлял приказы, и свой последний долг — стоять до конца — он исполнил безупречно.

К нему подбежал запыхавшийся дозорный:

— Генерал! У ворот трое, просят в город. — Он перевёл дух и добавил: — Тот парень среди них... он только что в одиночку уложил Демона грубой мощи.

Цзянь Сюй нахмурился и, опираясь на копьё, поднялся. Подойдя к краю стены, он заглянул вниз. Дрожащий свет факелов едва выхватывал из темноты три фигуры, не позволяя разглядеть лица. Генерал задумчиво всмотрелся в них, после чего зашагал вниз по ступеням, бросив на ходу:

— Впустить.

С нутным скрипом отворилась малая калитка в воротах. Путники один за другим миновали сырой полумрак прохода, где их уже ждал нынешний защитник Города Чанъи.

Молодой военачальник, сжимая в руке копьё, вежливо приветствовал гостей традиционным жестом.

— Моё имя Цзянь Сюй. Я левый генерал Армии усмирения юга и ученик Лагеря Большой Медведицы в семнадцатом поколении. Премного благодарен вам за своевременную помощь.

Е Му ответил сдержанным поклоном:

— Моё имя Е Му. Мы лишь случайно оказались поблизости, генерал, так что не стоит благодарностей.

— Могу ли я узнать, — прищурился Цзянь Сюй, — что привело почтенных господ в Город

Чанъи в столь грозный час?

Прежде чем Е Му успел открыть рот, стоявший рядом Хэ Лян стянул маску и негромко произнёс:

— Генерал, у меня есть к вам разговор. Можем мы побеседовать с глазу на глаз?

Цзянь Сюй перевёл на него взгляд, но лицо его не выдало ни одной эмоции. Он лишь коротко кивнул:

— Хорошо.

Хэ Лян обернулся к спутнику:

— Брат Е, прошу прощения. Нам с генералом нужно переговорить.

— Ничего страшного, — кивнул Е Му и ободряюще сжал плечо сына. — А нам с этим упрямцем как раз тоже пора побеседовать.

— В таком случае не утруждайте себя поисками, — отозвался Цзянь Сюй и подозвал дежурного солдата. — Проводи почтенных господ в свободные покои.

— Благодарю, — согласился Е Му, прекрасно понимая, что это гостеприимство наполовину состояло из надзора. Попрощавшись с Хэ Ляном, они с сыном зашагали вслед за проводником.

Тем временем Цзянь Сюй и Хэ Лян направились в здание штаба. Извинившись перед гостем, генерал попросил его обождать в комнате, а сам спешно занялся разбором донесений и распределением сил. Лишь покончив с делами, он распустил свиту и плотно затворил за собой дверь покоев.

Стоило дверям закрыться, как напускная строгость генерала мгновенно испарилась. Он будто превратился в другого человека — плечи расслабились, а на смену военной выправке пришла сонная, ленивая небрежность.

Не глядя на Хэ Ляна, он принялся по-хозяйски рыться в сундуках. Отыскав бинты и склянку с мазью, он швырнул их гостю, а сам с тяжёлым стоном повалился на кровать. Сбрасывая латы, генерал обнажил истерзанную в боях грудь и спину.

— Помоги перевязать. До спины мне самому ни за что не дотянуться.

Хэ Лян молча подошёл ближе. Окинув взглядом глубокие, всё ещё сочащиеся кровью порезы

на теле друга, он умело принялся за перевязку.

Посыпая целебным порошком сочащуюся плоть, он мягко улыбнулся:

— А я был уверен, что тебя давно похоронили.

Голос его звучал ровно, а пальцы двигались размеренно и точно.

Цзянь Сюй шумно втянул сквозь зубы воздух и, не размыкая век, недовольно пробормотал:

— Полегче, господин Хэ! Я ведь тебя ничем не обидел. — Чуть помолчав, он фыркнул: — Из-за каких-то жалких наёмников я не умру. Меня дома ждёт А-Яо, я ещё обязан на ней жениться.

Хэ Лян туго стянул очередной виток бинта и вкрадчиво заметил:

— Хм, странно. В последнем письме кто-то горько жаловался мне, что девица Вэнь Чуяо даже смотреть в его сторону не желает, зато вовсю улыбается какому-то прохвосту, у которого «на лице пустота, а в душе гниль».

— Ну, я тут поразмыслил на досуге... — лениво отозвался сквозь сон Цзянь Сюй. — А-Яо всем улыбается одинаково тепло, а вот сурова она только со мной. Разве это не истинная любовь? — Он сладко зевнул. — Кстати, когда я тебе писал в последний раз?

— Два месяца и три дня назад, — Хэ Лян завязал узел и отступил на шаг. — Всё, готово.

Цзянь Сюй бессильно откинулся на подушки и уставился в потолок.

— Два месяца... А мне кажется, целая вечность прошла.

И с этими словами весёлая небрежность исчезла, обнажая суровый лик собранного и непреклонного воина.

— Хэ Лян, — негромко спросил он, — почему ты до сих пор не вернулся в сытую и спокойную столицу? Зачем торчишь в этом пекле?

Хэ Лян задумчиво повертел в руках маску:

— Возникли кое-какие препятствия.

— Убирайся отсюда как можно скорее, — вздохнул Цзянь Сюй, смыкая веки. — И раз уж мы

встретились, передай моё письмо в столицу. Пусть придворные чинуши думают что хотят, а я буду защищать Город Чанъи, пока дышу. Дальше — пусть сами решают.

Голос его затих, и мгновение спустя утомлённый воин уже спал, мерно и тихо посапывая.

Хэ Лян долго всматривался в лицо друга детства, а затем едва слышно выдохнул в темноту:

— Хорошо.

Бережно натянув на плечи спящего лёгкое одеяло, он бесшумно вышел из комнаты. В тусклом, колеблющемся свете свечей его лицо казалось высеченным из холодного камня.

Два месяца... Для него это действительно было безумно давно.

В другом крыле Е Му хмуро переспросил, желая убедиться, что не ослышался:

— А-Цан, ты твёрдо решил остаться в Городе Чанъи?

— Да, отец, — без тени сомнения ответил Е Цан.

— Объяснишь почему? — настойчиво спросил Е Му.

Юноша поджал губы и впервые за вечер отвёл взгляд:

— Прости, отец. Я не могу рассказать.

Е Му не стал настаивать, но пристально взгляделся в глаза сына:

— По крайней мере, ответь: ты делаешь это по собственной воле?

Е Цан поднял голову и смело встретил взгляд отца:

— Да. По собственной воле.

— Ты можешь гарантировать свою безопасность?

— Отец, со мной ничего не случится, обещаю.

— А-Цан, ответь мне честно, — глухо произнёс Е Му, силой подавляя закипающий гнев. — Ты

действительно можешь гарантировать, что выживешь?

Е Цан на мгновение запнулся, но затем твёрдо произнёс:

— Да. Смогу.

— Прежде чем ответить на следующий вопрос, хорошенько подумай, — предостерёг его Е Му.

— Способен ли ты выстоять один, когда тебя окружают полчища демонов? Когда они будут наступать со всех сторон нескончаемым потоком, когда не останется путей к отступлению, а помощи ждать будет не от кого — сможешь ли ты выжить в этом аду?

После долгого, тягучего молчания уверенный голос Е Цана разрушил тишину:

— Я смогу.

Этот самонадеянный ответ разом вымел остатки терпения Е Му. Позабыв о ноющей ране на руке, он мёртвой хваткой вцепился в плечи сына и сорвался на крик:

— Ты сможешь?! Предлагаешь мне со спокойной душой бросить тебя одного в этой обречённой крепости, зажатой в тиски вражескими ордами?! Когда со всех сторон — и в небесах, и на земле — рыщут твари, ты требуешь, чтобы я просто ушёл?! И уверяешь, что уцелеешь?! Да разве человек способен выжить в такой бойне?! — От злости и бессилия Е Му замахнулся, но так и не смог ударить собственного сына. Вместо этого он с силой обрушил кулак на каменную стену. Стены комнаты содрогнулись от глухого удара.

— Отец! — испуганно вскрикнул Е Цан и потянулся к его руке, чтобы осмотреть ушиб, но тот резко отдёрнул её.

— Отец... — негромко позвал юноша. — Но ведь у тебя же получилось.

— Что? — Е Му на миг растерялся.

— Я говорю о том, что даже окружённый ордами демонов, без всякой надежды на помощь, ты сумел выжить. Выжил и пришёл за мной, — тихо, но твёрдо произнёс Е Цан. — Я верю в тебя, отец. Доверься и ты мне. Хотя бы на этот раз.

— Да разве можно сравнивать... — Е Му хотел было возразить, что эти ситуации абсолютно разные, но осёкся, встретившись взглядом с сыном. Он смотрел со спокойной, пугающей решимостью.

Он слишком хорошо знал этот взгляд — взгляд человека, принявшего решение окончательно и бесповоротно. Никакие уговоры в мире не способны были сдвинуть его с пути.

В комнате воцарилась тяжёлая, давящая тишина.

Спустя вечность Е Му медленно прикрыл глаза и тихо вздохнул:

— Совсем взрослый стал.

Сын больше не был тем крохотным мальчиком, которого нужно было ежеминутно оберегать от любых невзгод. Теперь у него появились собственные стремления, принципы и воля.

Медленно выдохнув, Е Му произнёс:

— Поступай как знаешь. Но твёрдо помни, что ты мне пообещал.

«Доверие... значит».

Для него это слово всегда весило непомерно много.

<http://bllate.org/book/18186/1758584>